

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОМАНАХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ» И «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

*Работа представлена кафедрой русской и зарубежной литературы
Бирской государственной социально-педагогической академии.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. Ф. Хасанов*

В статье рассматриваются гендерные стереотипы в романах М. Ю. Лермонтова, определяются их функции в тексте и роль в описании характеров главных героев, а также анализируются некоторые гендерно-этнические и социальные стереотипы.

Ключевые слова: *гендер, гендерные стереотипы, анализ художественного текста, классическая литература.*

A. Alferov

GENDER STEREOTYPES IN M. YU. LERMONTOV'S NOVELS “PRINCESS LIGOVSKAYA” AND “A HERO OF OUR TIME”

The author of the article discusses gender stereotypes in M. Yu. Lermontov's novels and determines their functions in the text as well as their role in characterising the main heroes. Some ethnic gender and social stereotypes are also analysed.

Key words: *gender, gender stereotypes, analysis of literary text, classical literature.*

Современное литературоведение в течение последних 10–15 лет уделяет значительное внимание исследованию гендерного аспекта литературных произведений. Как правило, авторы изучают прежде всего произведения авторов-женщин, произведения, посвященные женщинам, и т. п. Меньшее внимание уделяется рассмотрению классической литературы в гендерном аспекте, хотя, как показывает изучение научных статей по данной тематике, такой подход может оказаться весьма продуктивным.

Среди писателей-классиков, художественные произведения которых изучались с гендерной точки зрения, можно назвать Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др. [8]. Для нашего исследования мы выбрали творчество М. Ю. Лермонтова, поскольку, во-первых, Лермонтова можно считать «проводником» феминистских идей (в частности, французских писателей) [1, глава 5] в русской литературе начала XIX в.; во-вторых, его произведения ранее не подвергались рассмотрению с подобной точки зрения, и, в-третьих,

конфликты между мужскими и женскими персонажами, их противостояние и противопоставление, постоянное сравнение занимают значительное место в его романах («Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени»).

Ключевым понятием нашего исследования является понятие «гендерные стереотипы», т. е. «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [4, с. 65]. В своем исследовании под термином «гендерные стереотипы» мы будем понимать стереотипные, установившиеся в той или иной культуре (исторической эпохе) представления о качествах, поведении, характеристиках, взаимоотношениях мужчин и женщин, выраженные в тексте художественного произведения. Здесь необходимо указать на то, что подобные представления могут выражать субъективную точку зрения персонажа или автора, но тем не менее мы будем считать их релевантными для нашего исследования. Критерием отбора гендерных стереотипов в данном случае будем считать *обобщенность* представления, т. е. их отнесенность не столько к определенному герою произведения, сколько к мужскому или женскому полу в целом.

В исследовании романов М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени» мы ставили перед собой цель определить, какие гендерные стереотипы присутствуют в тексте романов, и проанализировать их роль в описании характеров.

В романе «Княгиня Лиговская» можно проследить, как стереотипы мужского и женского реализуются в обществе, в поведении героев, в их словах, мыслях, поступках. Например, обратимся к отрывку из романа, описывающему разговор Печорина со своей сестрой [5, с. 384]: «– Это стыд! отчего нам на балах, в обществах так скучно!.. вы все ищете спокойствия, какие любезные молодые люди... (курсив здесь и далее наш. – А. М.).

– А позвольте спросить, – возразил Жорж, зевая, – из каких благ мы обязаны забавлять вас...

– Оттого, что мы дамы.

– Поздравляю. Но ведь *нам без вас не скучно...*

– Я почему знаю!.. и что мы станем говорить между собою.

– Моды, новости... разве мало? поверяйте друг другу ваши тайны...

– Какие тайны? у меня нет тайн... *все молодые люди так несносны...*

– Большая часть их *не привыкли к женскому обществу.*

– Пускай привыкают – они и этого не хотят попробовать!..»

В данном отрывке содержится стереотипизированная мысль о том, что мужчины обязаны «забавлять» женщин; кроме того, выражены мысли о том, что мужчинам без женщин «не скучно», а «все молодые люди так несносны», потому что «не привыкли к женскому обществу». Данные стереотипные представления, с одной стороны, являются субъективными, обобщающими, а с другой стороны, позволяют говорить о преобладании подобного рода представлений в обществе, описываемом Лермонтовым.

При внимательном чтении романа обращает на себя большое количество явно выраженных гендерных стереотипов, в основном описывающих поведение, качества и характеристики женщин, например: «...маменька говорит, что *девушка в семнадцать лет так же благоразумна, как мужчина в двадцать пять*» [5, с. 386] [слова Вареньки]; «...дочка была бы недурна, если б *бледность, худоба и старость, почти обидный недостаток петербургских девушек*, не затмевали блеска двух огромных глаз и не разрушивали гармонию между чертами довольно правильными и остроумным выражением» [5, с. 387] (о дочери Негуровых); «...женщины в наш варварский век утратили *вполнину* *прежнее всеобщее свое влияние. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить об этом смешно*» [5, с. 414]; «...мы, женщины, так легко предаемся привычкам сердца и так мало думаем, к сожалению, о *всеобщем просвещении, о славе государства!*» [5, с. 416] (слова княгини).

Приведем отрывок, в котором гендерный стереотип характеризует главного героя,

Печорина (разговор Печорина с княгиней): « – Неужели вы думаете, что подобное коварство может существовать в сердце женщины?»

– Княгиня, – отвечал Печорин сухо, – я прежде имел глупость думать, что можно понимать женское сердце. Последние случаи моей жизни меня убедили в противном, и поэтому я не могу решительно ответить на ваш вопрос» [5, с. 420].

Данный отрывок, на наш взгляд, является достаточно показательным, так как подводит своеобразный итог взаимоотношениям Печорина с женщинами и содержит гендерный стереотип о невозможности понять «женское сердце».

Кроме этого, в тексте романа имеются суждения о женщинах, также содержащие стереотипные представления:

«...об чем женщины не плачут: слезы их оружие нападетельное и оборонительное. Досада, радость, бессильная ненависть, бессильная любовь имеют у них одно выражение: Вера Дмитриевна сама не могла дать отчета, какое из этих чувств было главной причиною ее слез» [5, с. 421];

«...женщина на бале составляет с своим нарядом нечто целое, нераздельное, особенное; женщина на бале совсем не то, что женщина в своем кабинете; судить о душе и уме женщины, протанцевав с нею мазурку, все равно что судить о мнении и чувствах журналиста, прочитав одну его статью» [5, с. 438];

«...невольное удовольствие, тайная надежда завлечь снова непостоянного поклонника, выйти замуж или хотя отомстить со временем по-своему, по-женски, промелькнули в ее душе. Женщины никогда не отказываются от таких надежд, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цели, и от таких удовольствий, когда цель достигнута» [5, с. 439] (о Лизавете Николаевне).

Все перечисленные стереотипы, что характерно, также относятся к женщинам. Автор пишет о характерных для женщин качествах (выражение чувств с помощью слез), их светском поведении (женщины на балах,

например, ведут себя совершенно не так, как в других ситуациях) и отношении женщин к браку (стереотипное суждение о мотивах женского замужества).

Проанализировав данные стереотипы, нужно отметить следующее: гендерные стереотипы в романе «Княгиня Лиговская» в основном описывают представления о женщинах как у самого рассказчика, прочих персонажей, так и у главного героя – Печорина. В обществе, изображенном Лермонтовым, соблюдение подобных стереотипов было четко установленным, поэтому выделение их в тексте романа позволяет лучше понять мотивацию поведения героев. Примечательно, что текст романа практически не содержит никаких стереотипов, касающихся мужчин.

В другом романе М. Ю. Лермонтова, «Герой нашего времени», нами выявлено множество гендерных стереотипов, характеризующих положение женщин и мужчин в обществе, их поведение и взаимоотношения. Определенное место занимают гендерно-этнические стереотипы, в частности, в «Бэле» автор описывает представление о роли женщины у кавказских племен [5, с. 466] (Песня Казбича):

«Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет».

В одном из исследований (А. Ранчин) отмечено, что «между женщинами и лошадьми в лермонтовском романе обнаруживается, действительно, определенное сходство» [7]. Сравнение «женщина – лошадь», естественно, не характерно для русской культуры, но широко распространено в восточных странах. Оно также упоминается в работе [9, с. 213]: «Через роман Лермонтова проходит несколько парных понятий, которые можно было бы назвать “понятия-рифмы”; одна из подобных пар – “женщина – лошадь”. Очевидно, что для русской девушки подобное

сравнение было бы совершенно неприемлемым, унижающим.

Появление данного стереотипного представления в романе, на наш взгляд, вполне оправдано, так как с помощью него автор выделяет весьма важную черту горских народов – любовь к лошади, ее огромную ценность в их жизни. С другой стороны, этот стереотип также характеризует отношение Печорина к женщинам, однако не к Бэле, а к «ундине», в «Тамани»: «Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. *В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело...*» [5, с. 505]. Очевиден негативный оттенок указанного стереотипа – *«золото купит четыре жены»*, в то время как *«...он [конь] не изменит, он не обманет»*. В этом отношении примечателен образ Бэлы – своим поведением, словами, отношением к Печорину она убедительно доказывает обратное. Максим Максимыч говорит *«...чего не сделает женщина за цветную тряпичку!...»* [5, с. 471], но через некоторое время и этот стереотип подвергнут им самим же сомнению: «А ведь вышло, что я был прав: *подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее – да и только*; так что он решился на последнее средство» [5, с. 473]. Кроме этого, важно отметить следующее – Бэла, будучи горянкой, *не хочет нарушить закон своего народа, своей веры, полюбив чужеземца* [3, с. 214] (обычай этого не позволяют), Печорин же отвечает ей: «Аллах для всех племен один и тот же...»

Далее укажем менее детальный, но важный для нашего исследования этнический стереотип – «у кумыков горянка не могла говорить с посторонними мужчинами, но на свадьбе – иное дело» [6, с. 93–94]: «Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают... подхватывают хором» [5, с. 463]. В этом эпизоде Максим Максимыч «описывает песню-игру, характерную для кумыкской свадьбы. Называется эта песня – игра Сарын. Исполняя сарын, девушка и молодой человек обменива-

ются комплиментами. Нечто вроде комплимента в духе сарын пропела Печорину Бэла. *Она как бы втягивала русского офицера в кумыкскую свадебную игру*. Ее комплимент не носил любовного характера, но в какой-то степени намекал на чувства девушки. Адааты у адыгейских народов предписывали дочери хозяина по его указанию приветствовать гостя. Можно было приветствовать и стихами, умение импровизировать очень ценилось в девушках. Свадебный обряд используется Лермонтовым для того, чтобы «создать эпизод первой встречи Печорина с Бэлой» [6, с. 94].

Гендерные стереотипы играют важную роль в характеристике образа главного героя романа – Печорина. В романе дается подробное описание его взаимоотношений с женщинами, и здесь имеются следующие стереотипы (показательно, что они по большей части несут отрицательный оттенок): «Я опять ошибся: *любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и протосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой*» [5, с. 483]; (названы характерные качества «дикой» девушки (горянки) – невежество и протосердечие, и светских дам – кокетство); «*Женщины любят только тех, которых не знают*» [5, с. 523]; «*Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная*» [5, с. 524].

Известно, что Печорин, как никто другой из героев романа, знает женскую натуру. Но это знание часто ставится им, как и самим автором, под сомнение, и читатель сталкивается со стереотипными суждениями о невозможности понять женщин: «*Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!*» [5, с. 526]. Еще один пример – это слова Грушницкого, который говорит следующее: «*Женщины! женщины! кто их поймет? Их улыбки противоречат их взорам, их слова обещают и манят, а звук их голоса отталкивает... То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то не понимают самых ясных намеков...*» [5, с. 535]. Наконец в одной из

дневниковых записей («Княжна Мери», 11 июня) Печорин упоминает слова Вернера о женщинах: «Кстати, Вернер намедни сравнил женщин с заколдованным лесом...» [5, с. 553].

В словах Печорина также обозначено стереотипное представление о слабохарактерности, подчиненности женщин: «Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером: их ли это дело!..» [5, с. 527].

Наконец приведем целый монолог, в котором Печорин рассуждает о женщинах; этот отрывок просто наполнен гендерными стереотипами: «Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любил другую. Нет ничего парадоксальнее женского ума: женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален; чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня; но я замужем: следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, – следовательно...

Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит, а говорят большею частью: язык, глаза и вслед за ними сердце, если оно имеется.

Что, если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине? “Клевета!” – закричит она с негодованием» [5, с. 552].

В этом отрывке представлен целый ряд стереотипов – женщин наделяют стремлением к соперничеству, отсутствием логики, они руководствуются чувствами, а не разумом. В заключение этого монолога Печорин как бы пытается оправдаться перед женщинами: «Но ведь я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает... <...>

Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я,

потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости» [5, с. 552].

В тексте романа нами обнаружено несколько стереотипов светского поведения для мужчин и женщин. Э. Герштейн пишет [2, с. 82]: «Из сравнения этих приятелей Печорина (Грушницкий и Вернер) вырисовывается некий кодекс “умения жить” в свете. Умный мужчина должен уметь убивать противника метким словом или эпиграммой; побеждать в споре; обладать трезвой насмешливостью и пылким сердцем; уметь управлять людьми, изучив их слабости. Печорин же, властолюбивый Печорин, прибавлял к этому борьбу с людьми». В приведенных далее эпизодах, однако, содержатся указания на требуемое поведение именно во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

Первый эпизод описан в «Княжне Мери». Грушницкий роняет стакан, а княжна Мери поднимает его. В. Мануйлов пишет: «Прямое человеческое движение княжны – помочь больному Грушницкому поднять стакан – сейчас же корректируется и осуждается ею же самой с точки зрения обиходной классовой морали и закона “приличий”: великосветской девушке не подобает снисходить до нужд незнакомого армейского юнкера» [6, с. 183].

Второй подобный эпизод – когда Печорин смотрит в упор на княжну Мери, в результате чего девушка сердится. По тем законам, по каким живет Мери, не смеет «кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну. Именно нарушением законов, приличий Печорин произведет большее впечатление, чем Грушницкий» [3, с. 287].

И наконец, третий эпизод – драгунский капитан, вызвавшийся проучить княгиню Лиговскую, подсылает к ней «пьяного господина» с приглашением на мазурку. Н. Г. Долнина отмечает, что «...сейчас нам трудно себе представить, насколько страшным, невозможным, ужасным было в то время для девушки приглашение на танец, сделанное пьяным, незнакомым человеком. Отказать –

значит оскорбить и, может быть, подвергнуться оскорблению. Принять приглашение – невозможно... Могло быть навеки запятнано имя девушки» [3, с. 303–304].

Указанные эпизоды показывают, что несоблюдение принятых стереотипов было чревато определенными негативными последствиями. Важно отметить, что именно Печорин часто не соблюдает, а намеренно старается нарушить принятые нормы, что видно, например, во втором эпизоде.

Гендерные стереотипы, выявленные нами в романе «Герой нашего времени», имеют две важнейшие функции – во-первых, они отражают сложившиеся представления о мужчинах и женщинах в лермонтовском обществе и, во-вторых, дополняют характеристику взаимоотношений между главными героями. Всесторонний анализ гендерных стереотипов в романах М. Ю. Лермонтова обладает новизной, актуальностью и значительными возможностями для интерпретации его героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вольперт Л. И.* Лермонтов и французская литература. URL: [http:// www.ruthenia.ru/volpert](http://www.ruthenia.ru/volpert)
2. *Герштейн Э. Г.* «Герой нашего времени» Лермонтова. М.: Художественная литература, 1976. 125 с.
3. *Долинина Н. Г.* Почитаем «Онегина» вместе; Печорин и наше время. Мн.: ООО «Попурри», 1996. С. 179–375.
4. *Коноплева Н. А.* Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 65.
5. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 2 т. / сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1989. Т. 2. 704 с.
6. *Мануйлов В. А.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. 2-е изд., доп. Л.: Просвещение, 1975. 280 с.
7. *Ранчин А.* Женщины и лошади в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». URL: <http://www.edu-zone.net/show/167302.html>
8. *Строганова Е. Н.* «Она не удостоивает быть умной...» («Война и мир» в гендерном прочтении) // Женщины. История. Общество: сб. науч. статей / под общ. ред. В. И. Успенской. Вып. 2. ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. С. 229–243; *Таратута Е.* Ирония и скепсис в изображении женщин-эмансипёрэ (на примере сочинений И. С. Тургенева) // Потолок пола / под ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С. 137–148; *Савкина И.* До и после бала: история молодой девушки в «мужской литературе» 30–40-х гг. XIX века // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 287–300.
9. *Турбин В. Н.* Пушкин. Гончаров. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.

REFERENCES

1. *Vol'pert L. I.* Lermontov i frantsuzskaya literatura. URL: [http:// www.ruthenia.ru/volpert](http://www.ruthenia.ru/volpert)
2. *Gershteyn E. G.* «Geroy nashego vremeni» Lermontova. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 125 s.
3. *Dolinina N. G.* Pochitayem «Onegin» vmeste; Pechorin i nashe vremya. Mn.: OOO «Popurri», 1996. S. 179–375.
4. *Konopleva N. A.* Gendernye stereotipy // Slovar' gendernykh terminov. M.: Informatsiya-XXI vek, 2002. S. 65.
5. *Lermontov M. Yu.* Sochineniya: v 2 t. / sost. i komm. I. S. Chistovoy. M.: Pravda, 1989. T. 2. 704 s.
6. *Manuylov V. A.* Roman M. Yu. Lermontova «Geroy nashego vremeni». Kommentariy. 2-e izd., dop. L.: Prosveshcheniye, 1975. 280 s.
7. *Ranchin A.* Zhenshchiny i loshadi v romane M. Yu. Lermontova «Geroy nashego vremeni». URL: <http://www.edu-zone.net/show/167302.html>
8. *Stroganova E. N.* «Ona ne udostoivayet byt' umnoy...» («Voyna i mir» v gendernom prochtenii) // Zhenshchiny. Istoriya. Obshchestvo: sb. nauch. statey / pod obshch. red. V. I. Uspenskoy. Vyp. 2. OGUP «Tverskoye oblastnoye knizhno-zhurnal'noye izdatel'stvo», 2002. S. 229–243; *Taratuta E.* Ironiya i skep-

sis v izobrazhenii zhenshchin-emancipée (na primere sochineniy I. S. Turgeneva) // Potolok pola / pod red. T. V. Barchunovoy. Novosibirsk, 1998. S. 137–148; *Savkina I.* Do i posle bala: istoriya molodoy devushki v «muzhskoy literature» 30–40-kh gg. XIX veka // Zhenshchina. Gender. Kul'tura. M., 1999. S. 287–300.

9. *Turbin V. N.* Pushkin. Goncharov. Lermontov. Ob izuchenii literaturnykh zhanrov. M.: Prosveshcheniye, 1978. 239 s.